

О выходах на воскресныхъ вечернѣ и утренѣ въ древней Руси и ихъ происхожденіи.

Изъ обрядовъ всеобщаго бдѣнія, совершаемаго у насъ обычно подъ дни воскресные и праздничные, самыми видными являются теперь *вечерній* входъ священнодѣйствующаго въ олтарь и, такъ называемые, *выходы* изъ него на *митію* и *полгелей* съ *величаніемъ* всего служащаго духовенства. Отправляемые въ церквахъ приходскихъ и домовыхъ лишь однимъ священникомъ съ діакономъ, они придаютъ службѣ, въ связи съ праздничною обстановкой, болѣе или менѣе торжественный характеръ, а совершаемые въ храмахъ соборныхъ — монастырскихъ и тѣмъ болѣе въ кафедральныхъ епископскихъ цѣлымъ сонмомъ священнослужущихъ, съ архіереемъ или архимандритомъ и даже нѣсколькими во главѣ, эти обряды превращаютъ всеобщее въ величественное священнодѣйствіе. Но при всемъ томъ, если сравнить наше теперешнее всеобщее бдѣніе съ тѣмъ, какъ совершалась въ старину на Руси по соборнымъ церквамъ хотя бы, на примѣръ, воскресная вечерня съ утреной, то нельзя будетъ не видѣть, какъ много уже утратили эти церковныя службы изъ своего былого обрядового великолѣпія. Сократилось число лицъ, участвующихъ въ ихъ совершеніи; измѣнился самый характеръ ихъ исполненія, а нѣкоторыя составныя части и совсѣмъ исчезли изъ нихъ.

„Во весь годъ по вся воскресныя недѣли протопопу зъ братією в соборѣ у Богородицы на вечернѣ облачение и

выход; есть же и чернымъ иногда властемъ облачение“¹⁾—такъ кратко и въ общемъ совершенно вѣрно опредѣляетъ участниковъ входа на воскресной вечернѣ Чиновникъ—своего рода уставъ Московскаго Успенскаго собора времени патр. Филарета Никитича. Вечерню подъ дни воскресные и праздничные въ нашихъ соборныхъ храмахъ въ старину, какъ и теперь, обычно начинали „недѣльной“ или очередной священникъ съ діакономъ, рѣже самъ протопопъ съ протодіакономъ. Но кто бы ни полагалъ начало вечернѣ, *на выходѣ* въ ней, какъ тогда говорили, непременно облачался протопопъ „*соборомъ*“, съ своими соборными священниками и діаконами, число которыхъ прежде было значительно больше, чѣмъ теперь. При богатыхъ и знаменитѣйшихъ соборахъ: Новгородскомъ Софійскомъ, Московскомъ Успенскомъ и другихъ священники и діаконы съ причислявшимися къ нимъ, такъ называемыми, „престольными и придѣльными“, которые въ извѣстныхъ случаяхъ также привлекались къ участию въ богослуженіи въ соборѣ, въ XV—XVII вѣкахъ считались десятками²⁾. Соборное духовенство при *выходѣ* на воскресной и особенно праздничной вечернѣ дополнялось еще „черными вла-

1) Рукоп. С.-Петербур. Дух. Акад. № 127 л. 5: см. о ней въ „Описаніи 432-хъ рукописей...“ А. Родоскаго, стрр. 154—155. Почтенный описатель, руководясь почеркомъ, какимъ писана рукопись, ошибочно отнесъ ее ко второй половинѣ XVII в. Рукопись написана несомнѣнно незадолго до кончины патр. Филарета и содержитъ въ себѣ *сводный Уставецъ*, собственно одну *триодную* его часть, являющуюся незамѣнимымъ дополненіемъ къ *мтислословной* части, заключающейся въ извѣстномъ „Сказаніи дѣйственныхъ чиновъ святыхъ соборныхъ и апостольскія великія церкви Успенія пресв. Владычницы ишеша Богородицы и Приснодѣвы Марія, матере церквамъ царствующаго града Москвы і всея великия Русия“ (Рукоп. Моск. Синод. библи. № 910). Заключая въ текстѣ своемъ записи службъ съ ихъ обстановкою, относящаяся ко времени управления Русскою церковію патр. Филаретомъ и преимущественно къ 1626 и 1628—32 годамъ, Чиновничекъ С.-Петербур. Дух. Академіи драгоцѣненъ еще по многочисленнымъ припискамъ, имѣющимся на поляхъ его, въ которыхъ отмѣчены измѣненія, происходившія въ службахъ и ихъ обстановкѣ при патрр. Іоасафѣ I. Іосифѣ, особенно при Никонѣ и отчасти при его преемникѣ. Не въ далекомъ будущемъ мы намѣрены издать его.

2) *Архив. Макарія* Описаніе Новгородск. архіерейск. дома, стрр. 145—147. СПб. 1857. Прибавл. къ творени. св. отцевъ, ч. 42. стр. 175—176. М. 1888: Путешествіе Антиохійск. патр. Макарія въ Россію въ полов. XVII в. въ переводѣ Г. Муркоса, вып. II стр. 171, 186.

стями“, т.-е. архимандритами и игуменами монастырей, также „схожими и прибылыми“ священниками и діаконами, въ большомъ иногда числѣ съѣзжавшимися и сходящимися къ соборной службѣ. Градское и посадское духовенство, чаще всего въ лицѣ своихъ *соборныхъ старостъ* и *десятскихъ діаконѡвъ*, подъ нѣкоторые воскресные и праздничные дни въ году обязательно приходило въ *большой соборъ* за вечерню и облачалось вмѣстѣ съ прочими „на выходъ и на литію“¹⁾. Частію въ подтвержденіе сказаннаго, а главное въ примѣръ того, какъ происходили эти выходы, приведу буквально относящуюся сюда выдержку изъ названнаго выше Чиновника.

„В недѣлю всѣхъ святыхъ к вечернѣ благовѣсть в *ревуѣ*“²⁾; звонят, какъ патріархъ в церковь войдет. И положивъ начало, и благословляетъ рукою властей, і протопоповъ, і священниковъ, и потомъ и всѣхъ людей, а недѣльной попъ со діакonomъ начинаютъ вечерню, и поютъ вечерню по уставу, и каженіе бываетъ по чину. А на выходъ и на литію протопопъ з братією облачаются и на литію протопопъ же с соборомъ выходятъ. А на первомъ выходе протопопъ з братією выдутъ сѣверными дверми, і идутъ между амбона и столпа, и станутъ противъ амбона, ждуще, дондеже протодіаконъ окадитъ всѣхъ. И потомъ, пришедше по два, да поклоняются святителю на мѣсте его, или будетъ и безъ святителя, то также поклоняются на мѣсте его образу, первому святителю Петру чудотворцу. Сиде жъ бываетъ и во весь годъ, когда и болшия власти черныя облачаются. А болшия власти когда облачаются, і тогда кругомъ столпа обходятъ. А послѣ литіи одинъ поклоняется первой, кто милитву говоритъ. А когда облачается протопопъ, тогда и вечерню отпускаетъ протопопъ же, а когда черныя власти облачаются, і тогда архимандритъ, кой нѣсть, тотъ і отпускаетъ. І поютъ павечерницу по вселѣтному“. Въ дополненіе къ этой ясной самой по себѣ выдержкѣ слѣдуетъ лишь сказать, что въ старое время въ нашихъ соборныхъ

1) Рукоп. Московск. Синод. библ. № 910 лл. 2, 13 об., 41 об., 48, 71 об., 76, 97, 109 и др. *Голубцовъ А.*, Чиновники Новгородскаго Софійскаго и Холмогорскаго Преображенскаго соборовъ, по Указателю см. слова: входы и выходы.

2) Отмѣченное курсивомъ въ рукоп. С.-Петербур. Дух. Акад. № 127 л. 118 зачеркнуто и на полѣ приписано: в новой (колоколь) указано 136 го (1628 года).

храмахъ кромѣ *служебнаго* архіерейскаго мѣста, въ видѣ облачальнаго амвона съ каедрой для епископа, до сихъ поръ остающагося приблизительно тамъ же, было еще другое внѣ-олтарное и, такъ сказать, *обычное*, на которомъ архіерей предстоялъ церковному собранію во время службъ и въ качествѣ верховнаго литурга отправлялъ наиболѣе важныя части ихъ. Обычно деревянное-рѣзное, въ рѣдкихъ храмахъ кирпичное съ шатровымъ, на подобіе надпрестольной сѣни, верхомъ святительское мѣсто приходилось спереди праваго подкупольнаго столпа, имѣя иногда послѣдній своею заднею стороною, на которой, за спиною іерарха, вѣшалась икона или помѣщалось то или другое священное изображеніе: такъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ—образъ Московскаго первопрестольника. Позади патріарха, у того же перваго южнаго столпа и впереди задняго, въ промежуткѣ между ними, стояли митрополиты, архіепископы и другіе „большіе власти“, а слѣва отъ нихъ, „среди церкви близъ амвона“, *по-крылосно* становился „Богородицкой протопопъ съ „своимъ соборомъ или братіею“. Архимандриты и игумены, вообще „средніе и меньшіе власти“, какъ и городское бѣлое духовенство, съ протопопами малыхъ соборовъ во главѣ, размѣщались въ Успенскомъ соборѣ „кто гдѣ: ставали и у лѣваго столпа, и у патріаршихъ гробовъ, и у ризы Спасовой“¹⁾. Тотъ же распорядокъ наблюдался и по другимъ городамъ въ соборныхъ храмахъ, когда „бываль въ нихъ съѣзды и сходъ для панихидъ и празднествъ“. Въ такомъ порядкѣ слушало собравшееся въ соборѣ духовенство начало воскресной или праздничной вечерни до „возвзашныхъ стихиръ“, во время которыхъ большіе власти ходили иногда „на поклонъ“ къ государю, если онъ былъ въ храмѣ, и къ святѣйшему патріарху, кланяясь первому два—три раза, второму пооднажды, а духовенство, имѣвшее участвовать въ вечернемъ входѣ, предъ пѣніемъ стихиръ на Слава и нынѣ, или такъ называемаго славника, въ порядкѣ приближалось къ св. вратамъ и, сотворивши предъ ними поклонъ, подходило попарно къ святительскому мѣсту, кланялось архіерею, если

¹⁾ *Дубровскій* Н., Патріаршіе выходы въ Чтен. Общества истор. и древн. Россійск. 1869 г., кн. 2, стр. 47, 60—61, отд. У. Дополн. къ Ант. Истор. У, 124, 98, 106, 108, 180—3.

онъ былъ здѣсь (въ отсутствіе его—находившемуся на его мѣстѣ образу), и, получивъ благословеніе, направлялось въ олтарь. Здѣсь облачившись, чрезъ сѣверныя двери шло на выходъ по тому или другому вышеуказанному пути на средину храма. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, въ частности въ отношеніи совершенія литіи, входившей тогда въ составъ ея, воскресная вечерня не представляла какихъ-либо замѣтныхъ особенностей сравнительно съ нашею теперешнею. Совсѣмъ иное дѣло воскресная утренняя въ соборныхъ храмахъ въ древней Руси. Она существенно отличалась отъ нынѣшней и наличностію въ ея составѣ лишнихъ частей съ ихъ своеобразныхъ литургическимъ строемъ, и присутствіемъ интереснѣйшихъ подробностей въ ея обрядовой обстановкѣ. Описаніе нашей старинной воскресной *соборной* утрени, собственно второй половины ея, намъ извѣстно пока лишь въ одномъ спискѣ—по упомянутому уже не разъ Чиновнику Московскаго Успенскаго собора. Въ виду рѣдкости и высокой научной важности приводимъ его здѣсь въ дословномъ извлеченіи.

А к заутрені благовѣстят в ревут, и поют полунощницу, а патриархъ по чину благословляетъ всѣхъ людей. И бываетъ звонъ к заутрені, и поют заутреню по уставу. А предъ канонами в олтарь чтут первое евангеліе храму Богородицы, и послѣ евангелія діакономъ исходит со свѣщю, а священникъ поднесет евангеліе святителю, і святителъ целует святое евангеліе и благословит священника, и отступивше подалъ священникъ і вкупѣ со діакономъ, и поклонятся святителю. А на 9-й пѣсни архидіаконъ подносит святителю, возжегши, свѣщю витую; также і всѣ власти держат свѣщи витые даже і до октеньи великіа, а подносят имъ ихъ діаконы. Да в воскресные ж дни на 9-й пѣсне всегда благовѣстят в ревут немного для славословія, а на славословіи діаконы приходикія идут, а по нимъ понамарь свѣщю болшую витую выносит, а за нимъ выходят со крестомъ і со святымъ евангеліемъ, а крестъ писмяной болшой носит діакономъ прихожой, а ставит на немъ понамарь три свѣщи витые в шанданѣхъ желѣзныхъ, а соборной Богородицкой діакономъ в стихарѣ і в поручахъ евангеліе несет, а за нимъ всѣ священники идут, спустя еелони и безъ скуеи. А преже сего хаживал і протопопъ з братьею на выходъ да и евангеліе по вся воскресенія

онъ же читалъ на амбонѣ, а пѣвали всегда пѣвчіе діакни. А ходятъ всегда жъ къ славословію по перемѣнамъ изъ Китая і изъ Кремля города священники і діаконы, а иногда по нуждѣ одинъ недѣльной ходитъ. А выходятъ изъ олтаря въ ризахъ сѣверными дверми и обходятъ кругомъ одново столпа, позади лѣваго крылоса. А за за соборомъ или за недѣльнымъ попомъ посадккіе попы изъ Китая или изъ Кремля всегда ходятъ, а берегутъ того подьяки накрѣпко, чтобъ всегда ходили безлѣбно. А какъ обшедъ кругомъ столпа и среди церкви станутъ противъ амбона, по обѣденному чину, и поклонится діаконъ иерѣю; иерей же благословитъ его и поцелуетъ святое евангеліе. И пошедъ по два и поклоняются на мѣсте святительскому образу Петра чудотворца. А будетъ святитель, когда ни будетъ, въ воскресный день, і на славословіи протопопъ и съ протодіакономъ на семь выходу бѣвають. І подноситъ святое евангеліе на мѣсте патриарху протодіаконъ, и целуетъ патриархъ святое евангеліе и благословитъ протодіакона, и поклонився протодіаконъ, і идетъ въ олтарь, а протопопъ зъ братьею и всѣ священники по два поклоняются патриарху. І вси вшедше въ олтарь, и соборомъ поютъ *Святый Боже* единожды, а потомъ протодіаконъ или діаконъ, аще безъ патриарха, то сказываетъ прокименъ воскресной. И восходятъ на амбонъ и поютъ по крылосомъ прокименъ, а Всяко дыханіе не поютъ, но токмо *Премудрость, прости* говоритъ діаконъ, и *Господи помилуй* не поютъ же и чтутъ евангеліе на амбонѣ. И аще будетъ патриархъ или митрополитъ или архиепископъ, и кто челъ евангеліе, и подносятъ евангеліе святителю, и потому жъ чину все бываетъ, якожъ и послѣ перваго евангелія выше указано. І посемъ октеніи говорятъ и отпустъ и часъ первый і конечный отпустъ по вселѣтному. А когда безъ патриарха, самъ протопопъ зъ братьею поютъ славословіе, и какъ на выходъ пойдутъ со крестомъ і со евангеліемъ, і протопопъ зъ братьею снимутъ скуѣи съ себя и поклонятся евангелію ¹⁾.

Особенность нашей древней воскресной утрени, какъ легко видѣть изъ приведеннаго ея изложенія, составлялъ выходъ соборнаго и городского духовенства на великомъ славословіи, который происходилъ въ *преднеснии креста и евангелія* и

¹⁾ Рукоп. Спб. Дух. Акад. № 127 лл. 118 об.—120.

соединялся съ воскреснымъ чтеніемъ изъ послѣдняго на амвонѣ. Припомнивъ наши выносы креста въ день Воздвиженія, въ недѣлю крестопоклонную или 1-го августа—съ одной стороны, и чтеніе евангелія въ концѣ утрени великой субботы—съ другой, можно будетъ составить себѣ наглядное и приблизительно вѣрное представленіе объ этомъ старинномъ выходѣ на утрени и отчасти уяснить себѣ происхожденіе нѣкоторыхъ не совсѣмъ понятныхъ литургическихъ подробностей, на примѣръ, присутствіе возгласа: „Премудрость, прости“ въ нашемъ теперешнемъ выносѣ креста. Послѣдній обрядъ въ нашей богослужебной практикѣ представляетъ явленіе рѣдкое, исключительное; наоборотъ, выходъ священнослужащихъ съ крестомъ и евангеліемъ на великомъ славословіи въ старое время на Руси былъ обыною, можно сказать, составною частью воскресной утрени. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ онъ совершался отъ недѣли Всѣхъ святыхъ до недѣли мытаря и фарисея. Въ послѣдующіе воскресные дни выходовъ съ крестомъ по великомъ славословіи на утрени въ немъ не было и евангелій читали не два, а одно воскресное предъ канономъ въ алтарѣ. Впрочемъ, если случалось праздновать „великаго святаго с величаниемъ в воскресные дни до всѣхъ святыхъ“, то читалось два евангелія: святому или празднику предъ канонами въ алтарѣ и воскресное тамъ же, предъ престоломъ, по великомъ славословіи ¹⁾. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ выходы на великомъ славословіи соборнаго и городского духовенства начинались въ первую недѣлю Петрова поста и происходили на всѣхъ воскресныхъ утрняхъ, не исключая великопостныхъ воскресеній, вплоть до недѣли Ѳоминой. Съ воскресенія Ѳомина и по недѣлѣ Всѣхъ святыхъ включительно, также въ воскресенъе предъ Воздвиженіемъ, ихъ не было ²⁾. Практика Холмогорскаго Преображенскаго собора согласовалась съ Новгородскою въ совер-

¹⁾ Тамъ же, лл. 6—7, 8, 15 об., 20 об., 30 об., 37, 41 об.—42, 102, 103 об., 105 об., 110 об., 115 об. Русск. Истор. Библиот. т. III. 139.

²⁾ *Голубцовъ А.*, Чиновникъ Новгородск. Софійск. соб., стр. 24, 147, 149, 156, 167, 171, 175, 179, 235—236. Въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ не было выхода на утрени и молебна послѣ нея въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, потомучто въ этотъ день совершаемъ былъ большой крестный ходъ къ Спасо-Преображенской церкви на Ильну улицу.

шеніи разсматриваемыхъ выходовъ и великимъ постомъ и въ недѣли приготовительныя къ нему ¹⁾, хотя онъ, какъ и другіе соборы, имѣлъ насчетъ времени отправленія ихъ и свои особенности. Расширеніе или сокращеніе срока совершенія выходовъ по великомъ славословіи, полная отмѣна ихъ въ тѣ или другія недѣли зависѣли иногда отъ усмотрѣнія и характера настоятеля ²⁾, еще чаще отъ совпаденія общецерковныхъ праздниковъ или мѣстныхъ торжествъ съ днями воскресными; въ значительной мѣрѣ обуславливались штатомъ служащихъ лицъ и состояніемъ служебныхъ средствъ въ соборныхъ храмахъ: не вѣсѣмъ изъ нихъ, надо полагать, было подъ силу совершеніе занимающаго насъ торжественнаго обряда. Тѣми или другими причинами вызывались колебанія въ срокахъ и вообще времени отправленія послѣдняго, во всякомъ разѣ существованіе въ нашихъ соборахъ въ XVI—XVII столл. на воскресныхъ утреняхъ такъ называемыхъ выходовъ съ крестомъ и евангеліемъ по великомъ славословіи не можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію и является любопытнымъ и, можно сказать, новымъ въ литургической наукѣ фактомъ ³⁾, происхожденіе котораго такъ или иначе предстоитъ теперь объяснить.

Не полагавшійся по Студійскому уставу, нѣкогда на Руси дѣйствовавшему, и неизвѣстный Іерусалимскому, нынѣ регулирующему наше богослуженіе, обрядъ выхода по великомъ славословіи съ крестомъ и евангеліемъ есть, очевидно, пережитокъ или остатокъ отъ какого-то другого строя воскресной службы, нѣкогда въ практикѣ соборныхъ нашихъ храмовъ бывшаго. Уже чтеніе на воскресной утрени двухъ евангелій: одного предъ канономъ въ олтарѣ, согласно нашему теперешнему уставу, другого—воскреснаго по вели-

¹⁾ Голубцовъ А., Чиновники Холмогорск. Преображ. соб., стр. 75, 89, 181.

²⁾ Въ Холмогорскомъ Чиновникѣ, при изложеніи службы первой недѣли великаго поста (стр. 75), замѣчено: „Для выхода на 9-й пѣсни благовѣсть в большой; указал архіерей і впрядь, егда бывает ход в собор или к дѣйству, выход тогда на 9-й пѣсни“. Распоряженіе пресвящ. Афанасія ясно, но мотивы его не вѣсѣмъ для насъ понятны.

³⁾ Мимоходное замѣчаніе о входѣ предъ великимъ славословіемъ на пѣсенной утрени въ XIV в. намъ встрѣтилось лишь въ трудѣ *Одинцова*: Порядокъ общественаго и частнаго богослуженія въ Россіи до XVI в., стр. 109, 112.

комъ славословіи на амвонѣ даетъ понять, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ нарощеніемъ или наслоеніемъ въ обрядѣ, съ искусственнымъ объединеніемъ въ составѣ одной и той же службы различныхъ литургическихъ порядковъ. Не пожелавъ разстаться съ древнимъ, величественно-трогательнымъ обрядомъ выхода на утрени съ крестомъ и евангеліемъ, тутъ же и читавшимся, удержали его въ составѣ утрени, но дали мѣсто передъ нимъ и новому богослужебному обычаю, въ видѣ чтенія передъ канонемъ евангелія храму, празднуемому святому или событію. Такимъ образомъ прокладывали путь новому уставу въ литургической практикѣ и тѣмъ думали помирить съ нимъ старый строй соборной службы, не безъ борьбы, очевидно, уступавшій свое мѣсто нововводимому и постепенно вытѣснявшему его порядку. Но что это за старый строй церковной службы, долго правившійся нашимъ предкамъ, и откуда взялся онъ въ нашихъ древнихъ соборныхъ храмахъ? Уже судя по однимъ величественнымъ выходамъ духовенства на воскресныхъ вечернѣхъ и утренѣхъ можно сказать, что это былъ родъ необычайно-торжественной службы, рассчитанный и на многихъ исполнителей и на нескудную богослужебную обстановку. Онъ могъ быть выработанъ и держаться лишь въ храмѣ, снабженномъ большимъ штатомъ служащаго духовенства, значительными хорами пѣвцовъ, богатою ризницей: могъ быть заимствованъ древнею Русью лишь у храма, въ глазахъ ея, если можно такъ выразиться, высоко-авторитетнаго. А такимъ храмомъ въ сознаніи древнѣйшей Руси, получившей вмѣстѣ съ вѣрою церковную обрядность изъ Византіи, была великая константинопольская церковь. (Называя св. Софію *великою церковію*, мы слѣдуемъ примѣру Византійцевъ, нерѣдко величавшихъ ее именно такъ: *μεγάλη ἐκκλησίαι*, и прочихъ писавшихъ о ней; но должны оговориться, что *великими* церквами именовались въ Греціи и другія многія, преимущественно кафедрально-епископскія церкви въ наиболѣе извѣстныхъ городахъ (Дюканжа *Glossarium graecitat. s. v. Ἐκκλησίαι μεγάλαι*, col. 363), какъ позднѣе у насъ на Руси отличали *большіе соборы, великія соборныя церкви* отъ меньшихъ соборныхъ и приходскихъ церквей). Хорошо знакомая нашимъ предкамъ, вызывавшая своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ и пышностію своего обряда въ русскихъ паломникахъ чув-

ства невыразимаго восторга и благоговѣйнаго удивленія, святая Софія царьградская всегда была въ представленіи Руси идеаломъ храма и церковно-богослужебныхъ порядковъ въ немъ. Уставъ ея, пользовавшійся въ свое время широкою извѣстностію въ самой Византіи, довольно рано сталъ извѣстенъ и за предѣлами ея: Грузія и Аѳонъ отчасти руководствовались имъ въ своей литургической практикѣ. Извѣстенъ онъ былъ и у насъ на Руси и не только извѣстенъ, но и несомнѣнно находился въ практическомъ употребленіи, былъ принятъ въ качествѣ регулятора богослуженія и образца литургическихъ порядковъ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ главныхъ кафедрально-епископскихъ и отчасти въ монастырскихъ соборныхъ храмахъ.

Еще покойные описатели славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки ознакомили ученый міръ съ довольно полнымъ пергаминнымъ требникомъ конца XIV или начала XV вѣка, въ которомъ изъ молитвъ и чиновъ, употреблявшихся въ великой константинопольской церкви, обратили особенное вниманіе на молитвы такъ называемаго *вечерняго пѣсеннаго послѣдованія* (*εσπριτικη εκολουθία*) ¹⁾, нѣкогда совершавшагося въ послѣдней, какъ и въ другихъ кафедрально-епископскихъ храмахъ Византіи. Вскорѣ за ними описатель извѣстныхъ Хлудовскихъ рукописей ²⁾ полностью напечаталъ драгоцѣннѣйшій отрывокъ „Устава великия церкви святыя Софія, списанаго боголюбивымъ архиепископомъ новгородскимъ Климентомъ“ († 1299), сообщивъ довольно подробныя свѣдѣнія о малоизвѣстной личности „списателя“. Уцѣлѣвшее въ этомъ отрывкѣ изложеніе службъ на первые тринадцать сентябрьскихъ дней съ характеристическими особенностями преимущественно праздничнаго богослуженія св. Софіи царьградской, въ связи съ выше указанными молитвами пѣсенной вечерни, являлось непрерываемымъ доказательствомъ того, что чины и уставъ, нѣкогда совершавшіеся и дѣйствовавшіе въ „прекрасной *матери на-*

¹⁾ Описан. слав. рукош. отд. III, ч. I, № 371 лл. 87—91, 100 об., стр. 138—140, 143.

²⁾ *Поповъ А.*, Первое прибавленіе къ описанію рукописей в каталогѣ книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова, стр. 11—15. М. 1875.

шеи“¹⁾, переведены были въ свое время на славянскій языкъ, переписывались у насъ даже самими архипастырями. И, разумѣется, дѣлалось то и другое не изъ простой любознательности, не для книжнаго почитанія, а по настоятельной нуждѣ, потому что литургическіе порядки св. Софіи константинопольской имѣли силу и продолжали дѣйствовать въ богослужебной практикѣ нашихъ соборныхъ церквей. Лицами, занимавшимися изученіемъ древне-русскаго богослуженія, уже отмѣчено въ немъ нѣсколько особенностей и чиновъ, имѣвшихъ мѣсто въ ритуалѣ великой константинопольской церкви и являющихся очевидными слѣдами дѣйствования въ старину ея устава на Руси²⁾. Проф. Дмитріевскій, приведши нѣсколько этого рода литургическихъ данныхъ, находитъ наглядное подтвержденіе тому и въ такъ называемомъ пещномъ дѣйствѣ³⁾, совершавшемся долгое время на Руси въ недѣлю святыхъ отецъ или праотецъ, смотря потому въ какіе дни приходилось въ тотъ или другой годъ Рождество Христово. Не зная греческаго оригинала этого чина и притомъ такого, въ которомъ находили бы себѣ объясненіе всѣ подробности нашего дѣйства, но увѣренный въ византійскомъ происхожденіи послѣдняго, въ оправданіе своей увѣренности онъ сопоставляетъ между прочимъ послѣдованіе вечерни, утрени и литургии, съ которыми было связано неразрывно, по нему, пещное дѣйство, съ чинами вечерняго, утренняго и литургійнаго богослуженія по уставу великой константинопольской церкви вообще, и находитъ между ними въ основномъ и существенномъ полное совпаденіе⁴⁾. Если эту аргументацію и нельзя признать прямо

1) Путешествіе въ Св. Землю старообрядца *Іоанна Лукьянова*, стр. 30. М. 1864.

2) Проф. *Е. Е. Голубинскаго* Ист. Русск. Церкви, I, 2, стр. 317—318. М. 1881. Проф. *И. Д. Мансветова*. Митроп. Кипріянь въ его литургич. дѣятельности, стр. 137 и друг. Его-же: О пѣсенномъ послѣдованіи въ Прибавл. къ творен. св. отецъ, ч. 26. стр. 753—4. Свящ. *Никольскаго* Аваематствованіе, стр. 22. СПб. 1879. *Одинцова* Поряд. общ. и частн. богосл., 109—111.

3) Чинъ пещнаго дѣйства, стрр. 4 — 71 отдѣльнаго оттиска изъ журнала Византійскій Временникъ, т. I, вып. 2 — 3. СПб. 1895. См. его-же: Современное богослуженіе на правосл. востокѣ, вып. 1 стр. 43. Кіевъ. 1891.

4) Въ качествѣ особенностей утрени, за которою совершалось у насъ пещное дѣйство, сравнительно съ изложеніемъ ея по уставу великой цер-

отвѣчающею цѣли, для которой она прежде всего предназначалась нашимъ литургистомъ, то во всякомъ разѣ невозможно и оспаривать справедливости той его мысли, что всѣ важнѣйшія особенности вечерняго и утреннаго богослуженія недѣли праотецъ, отецъ, какъ, добавимъ отъ себя, и вообще древней воскресной службы въ нашихъ соборахъ, вполне объясняются изъ практики великой константинопольской церкви и отсюда несомнѣнно ведутъ свое начало. Чтобы убѣдиться въ этомъ наглядно, познакоимся съ уставомъ и практикой послѣдней относительно совершенія, интересующихъ насъ выходовъ на воскресныхъ вечерняхъ и утреняхъ.

Въ уставѣ говорится, что въ субботу вечеромъ архіерей, въ преднесеніи лампы кѣмъ-либо изъ церковниковъ и въ предшествіи клира и народа, приходилъ изъ своихъ келліи въ церковь и, ставъ посреди ея, творилъ поклонъ, цѣловалъ находившуюся здѣсь икону и затѣмъ всходилъ на свое мѣсто (*εἰς τὸ σταβίδειον*). Клирики многолѣтствовали при этомъ по обычаю, а онъ трижды благословлялъ ихъ. По началу вечерни священникомъ съ діакономъ, совершалось по порядку послѣдованіе ея. На славу священники и діаконы облачались внутри олтаря и, вышедъ со стороны предложенія, приходили къ самымъ почти западнымъ вратамъ (*πλησίον τῶν ὀραίων πυλῶν*) храма. И послѣ того, какъ они рядами и въ порядкѣ здѣсь устанавливались, приходилъ иподіаконъ, ставилъ впереди ихъ два подсвѣчника и, подавъ кадило старшему изъ діаконовъ, становился самъ сзади, между нимъ и первымъ священникомъ. Когда оканчивалась стихира, старѣйшій діаконъ, выступивъ немного впередъ, возглашалъ: *Премудрость, прости*, дѣлая при этомъ крестъ кадиломъ. Младшіе діаконы брали подсвѣчники и предше-

кви, проф. Дмитріевскій отмѣчаетъ отсутствіе на ней выноса большого креста, а по сравненію съ нашимъ теперешнимъ порядкомъ утреннаго богослуженія—чтеніе воскреснаго евангелія послѣ великаго славословія (стр. 20). Последняя особенность составляла характеристическую черту не одной утрени недѣли праотецъ или отецъ, но и каждой, какъ выше было говорено, воскресной утрени въ древне-русскихъ соборахъ, а отсутствіе выноса креста на первой вызывалось, вѣроятно всего, пещнымъ дѣйствомъ, для совершенія котораго убирался между прочимъ и амвонъ, на который восходили съ крестомъ и евангеліемъ. Одинъ обрядъ замѣнялъ или, лучше сказать, вытѣснялъ на время другой.

ствоваши входу, направлявшемуся внутрь святаго олтаря. Иподіаконъ возвращался въ ту сторону, откуда выходилъ входъ и также входилъ въ послѣдній. Во время совершенія входа діаконъ, шедшій съ кадиломъ впереди, останавливался предъ стасидіей архіерея и кадилъ его; потомъ, присоединившись къ священникамъ, первымъ входилъ на солею и въ олтарь. За входомъ слѣдовало пѣніе прокимна, и вечерня оканчивалась отпустомъ священника. ⁴⁾

Сопоставивъ нашу древнюю воскресную вечерню съ только что описаннымъ порядкомъ тойже службы, на основаніи устава великой церкви XV стол., нельзя будетъ не замѣтить при нѣкоторомъ различіи въ частностяхъ и сходства между ними. Послѣднее между входами на вечернѣ—нашимъ и древне-греческимъ станетъ ближе и очевиднѣе, если возьмемъ для сравненія литургическую практику великой церкви, *болѣе близкую* по времени къ той, которая записана въ выше напечатанномъ извлеченіи изъ Чиновника Московскаго Успенскаго собора. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи „Путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка“ неоднократно касается воскресной вечерни и болѣе или менѣе подробно излагаетъ ходъ ея въ разныхъ мѣстахъ христіанскаго востока и у насъ въ Россіи. Рассказывая, напримѣръ, о совершеніи входа на вечернѣ подъ одно изъ воскресеній въ патріаршей церкви въ Константинополь, онъ пишетъ: „Вовремя *Славы* священники начали попарно совершать метаніи (поклоны) предъ константинопольскимъ патріархомъ, потомъ предъ антиохійскимъ, повторяя дважды; всѣхъ ихъ было пять паръ. Затѣмъ они вошли (въ алтарь), облачились въ ризы и шествовали кругомъ на Входѣ, а потомъ стали около патріарха полукругомъ. Послѣ того какъ дьяконъ, размахивая кадильницей, окадилъ царскія врата, потомъ обоихъ патріарховъ и священниковъ и прочихъ присутствовавшихъ, священники громогласно запѣли *Святѣ тихій*. Тогда дьяконъ возвратился и снова кадилъ патріархамъ, а священники, подходя попарно, испрашивали у нихъ благословеніе,

⁴⁾ *Дмитріевскаго* Описаніе литургическихъ рукоп., т. I, *Телікі σιλλ.* 164-165. Кіевъ 1895; см. *его-же*: Современн. богослуж. на прав. востокъ, стр. 44-46.

а затѣмъ входили въ алтарь, гдѣ разоблачались. Такой у нихъ обычай наканунѣ воскреснаго дня или большаго праздника. Эти священники“, дѣлаютъ любопытную въ данномъ случаѣ для насъ замѣтку Павелъ, „изъ окружающихъ церквей вблизи патриаршихъ палатъ, и это признакъ, что они готовятся съ вечера къ совершенію литургіи“. Невольно вспоминаешь при этомъ, что и у насъ на Москвѣ въ XVII столѣтіи привлекались къ участию въ выходахъ на вечернѣ и утренѣ чаще другихъ священники и діаконы изъ Китай-города и Кремля—ближайшихъ мѣстъ къ Успенскому собору. Порядокъ вечерняго выхода подъ воскресенье или праздникъ на Руси у Павла Алеппскаго всюду изображается вполне сходнымъ съ сейчасъ представленнымъ, сообщаетъ ли онъ о совершеніи воскресной вечерни въ Коломенскомъ. Большомъ Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ соборахъ, или же въ монастыряхъ: Киево-Печерскомъ, Густинскомъ-Троицкомъ и Московскомъ Новодѣвичьемъ. „За вечерней... наканунѣ cadaго воскресенья и особеннаго праздника передъ *Слава и нынѣ* (Коломенскій) протопопъ съ шестью другими священниками подходилъ взять благословеніе у нашего владыки патриарха, дѣлая ему земной поклонъ передъ и послѣ; онъ благословлялъ ихъ. Они входили въ алтарь, облачались и выходили на *Входъ*, при пѣніи *Святѣ тѣхій*“¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ любознательный путешественникъ какъбы резюмировалъ всѣ свои разновременныя и разномѣстныя наблюденія надъ отправленіемъ входа на праздничной вечернѣ. Всѣ они сводятся къ тому, что въ большихъ церквахъ Греціи и на Руси въ торжественныхъ случаяхъ онъ исполнялся въ XVII вѣкѣ въ существенномъ одинаково, и это сходство нельзя объяснить иначе, какъ происхожденіемъ той и другой литургической практики изъ одного источника.

Уставъ великой константинопольской церкви въ отношеніи совершенія выхода на *великой вечернѣ* и до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать на востокѣ. „Если намѣрены войти многіе священники, читаемъ въ послѣдованіи ея, то передъ славникомъ они принимаютъ благословеніе (*ἀγιολόγιστον*)“

¹⁾ Путешеств. Антиох. п. Макарія вып. I. стр. 162, 60, 90., II, 193., IV. 49, 82.

отъ архіерея и, вошедши въ алтарь и поцѣловавши свв. евангеліе и трапезу, облачаются въ епитрахиль и фелонь. Во время славника они исходятъ (*κατὰ βεσπύτην-цѣлю*) и рядами, полукругомъ, идутъ на средину храма. Сказавъ *Премудрость, прости*, діаконъ становится противъ архіерейскаго трона, позади послѣдняго изъ іереевъ. При пѣніи хоромъ словъ: *Пришедше на западъ солнца*, поклавъ архіерея и Владычныя иконы, діаконъ входитъ во святилище, а со словами: *Отца, Сына и св. Духа* вступаютъ и священники по два, преклонивши напередъ главы передъ трономъ и ставши по сторонамъ престола, оканчиваютъ пѣснопѣіе ¹⁾. Этотъ выходъ на воскресной и вообще праздничной вечернѣ, оставленный у насъ на Руси, не только въ книгахъ значитъ, но и на самомъ дѣлѣ продолжаетъ совершаться на востокѣ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ знатоки его ²⁾.

Выходъ на утрени на великомъ славословіи съ крестомъ и евангеліемъ не былъ такъ устойчивъ и живучъ, какъ вечерній выходъ, но зато въ немъ зависимость наша отъ практики великой церкви даетъ себя знать еще болѣе осязательно. „На великомъ славословіи, читаемъ про этотъ торжественный обрядъ въ томъ же уставѣ великой церкви XV вѣка, происходитъ снова входъ, какъ сказано въ чинѣ вечерни. При пѣніи священниками: *Преблагословенна еси*, въ этотъ входъ идетъ впереди подсвѣщниковъ чтець въ фелони, держа въ рукахъ своихъ большой крестъ, и становится съ крестомъ среди подсвѣчниковъ; когда же возвращаются въ олтарь, онъ идетъ впереди, доходитъ до солей и здѣсь останавливается. По входѣ священниковъ въ олтарь, чтець всходитъ на вторую ступень амвона и говоритъ нароспѣвъ (*μετὰ μέλους*): *Слава въ вышнихъ Богу*. По исполненіи великаго славословія въ олтарѣ священниками и діаконами, снова всходитъ тотъ же чтець и поетъ псаломъ Давида, потомъ *Воскрески Господи* и прочіе стихи: И сходитъ этотъ чтець, и всходитъ domestikъ или лаосинакъ на третью ступень амвона и поетъ вмѣстѣ съ другими чтецами прокимень... Во время пѣнія domestikомъ прокимна выходятъ

¹⁾ *Ἑρατικόν, σελ. 8-9. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1895.*

²⁾ Изъ записокъ синайскаго богомольца въ Труд. К. Д. Акад. 1873. I. 370-371. 380-381; см. *Муркоса* Путеш. патр. Макарія вуп. III. 193 прим. 1.

два чтеца съ подсвѣчниками и два діакона, а позади ихъ идетъ священникъ съ св. евангеліемъ въ рукахъ, одѣтый во всю священническую одежду; поднимается на амвонъ съ задней стороны и садится съ діаконами, пока чтецы съ domestikомъ исполняютъ прокимень и *Многогьтно сотвори святое царство ихъ* и *Тѣгъ бѣслѣтъгъ халъ похирѣи*. Когда говорятъ: *Многогьтно сотвори*, встаетъ священникъ и діаконы. Діаконы спускаются до третьей ступени амвона, чтецы съ подсвѣчниками становятся на второй, а наверху священникъ полагаетъ св. евангеліе. Второй діаконъ изъ алтаря говоритъ: *Премудрость, прости услышимъ святаго евангелія*; священникъ имя св. евангелія и по порядку (читаетъ) св. евангеліе. По прочтеніи его, одинъ изъ діаконовъ беретъ св. евангеліе и отходитъ къ архіерею, а онъ цѣлуетъ св. евангеліе и благословляетъ его. Священникъ становится на послѣдней ступени амвона и ожидаетъ, пока возвратится діаконъ и, когда прійдетъ, входятъ въ алтарь сначала чтець съ крестомъ, потомъ чтецы, діаконъ съ св. евангеліемъ и священникъ. Во время произнесенія вторымъ діакономъ утреннихъ прошеній, находящіеся въ алтарѣ священники и діаконы разоблачаются и выходятъ; остается одинъ только священникъ, читавшій св. евангеліе, и творитъ отпустъ. ¹⁾

Согласно съ выше приведеннымъ излагаетъ конецъ пѣсенной утрени и Симеонъ Солунскій; къ сожалѣнію онъ только упоминаетъ о входѣ іереевъ съ крестомъ и св. евангеліемъ на великомъ славословіи, но не говоритъ подробно о томъ, какъ происходилъ онъ. Изъ его сбивчиваго, прерываемаго то и дѣло толкованіями изложенія, для насъ не вполне ясно: былъ ли этотъ входъ совершенно особымъ обрядомъ, въ точномъ смыслѣ слова *выходимъ* іереевъ изъ алтаря, совершавшимся только на воскресной утрени, или же онъ составлялъ конечную стадію на пути священнослужащихъ изъ притвора чрезъ средину храма въ алтарь ежедневно? По видимому первое. По Симеону Солунскому и другимъ памятникамъ, пѣсенная утрениа, какъ и теперешняя наша пасхальная начиналась и въ значительной своей части происходила въ притворѣ, при затворенныхъ *главнѣхъ*

¹⁾ *Дмитріевскаго Тѣлца, свѣд.* 165—167., Современн. богослуж. стр. 47—48.

западныхъ (*Zabilykai pólai*) вратахъ храма. Послѣ обычнаго начала, великой ектеніи и трехъ антифоновъ, при пѣніи непорочныхъ, іерей *боковою* дверью входилъ въ храмъ, кадилъ его и олтарь и, взявъ вмѣсто кадила стоявшій позади св. престола крестъ, съ водруженными въ немъ тремя свѣчами (*ἐν δὲ τῷ σταυρῷ καὶ τρεῖς κηροὶ πεληγμένοι*), молча приносилъ его въ притворъ и поставлялъ здѣсь справа „близъ великихъ вратъ“. При концѣ непорочныхъ, отверзши послѣднія и взявши крестъ, въ которомъ при этомъ возжигались свѣчи, іерей творилъ обычную молитву входа и вступалъ въ самый храмъ, сопровождаемый обоими ликами и народомъ. Продолжалъ ли священникъ свое движеніе непосредственно въ олтарь, или же вмѣстѣ съ прочими онъ приостанавливался на срединѣ храма,—изъ Симеона Солунскаго хорошенько не видно; одно несомнѣнно, что крестъ, находившійся дотолѣ въ его рукахъ, водружался на амвонѣ, насупротивъ олтаря, и стоялъ въ теченіи утрени до того времени, какъ всходилъ сюда чтецъ и, возгласивъ слова: *Слава въ вышнихъ Богу*, бралъ его въ свои руки. ¹⁾

Будемъ ли сравнивать нашъ древне-русскій выходъ духовенства на воскресныхъ утреняхъ съ изложеніемъ того же обряда въ уставѣ великой церкви XV вѣка или въ передачѣ его у Симеона Солунскаго, неизбѣжно прійдемъ къ увѣренности въ происхожденіи его изъ практики св. Софій константинопольской. Разности, легко объясняемыя историческимъ развитіемъ всей вообще обрядности, замѣчаются въ подробностяхъ изучаемаго нами священнодѣйствія, а существенное въ немъ въ Греціи и у насъ одинаково. Даже такая частность въ обстановкѣ выхода, какъ величина и устройство предносимаго въ немъ креста, тамъ и здѣсь одинакова. Замѣчаніе Чиновника нашего Успенскаго собора: „выходятъ со крестомъ і со святымъ евангеліемъ, а крестъ писмяной *большой* носитъ діаконъ прихожой, а ставитъ на немъ понамарь три свѣщи витые в шанданѣхъ желѣзныхъ“ вполне согласно съ тѣмъ, что говорится о той же священной утвари у Симеона Солунскаго и въ уставѣ великой церкви.

¹⁾ *Симеона Солунскаго De sacra precatioŋe* у Миня въ *Patrolog.*, ser. graec. t. 155, col. 636—649; русск. перев. въ Писаніяхъ свв. отцевъ и учителей церкви, относящихся къ истолков. прав. богослуж., т. II стр. 485—499.

Въ настоящее время у насъ и на православномъ востокѣ не бываетъ уже на воскресныхъ утренихъ по великомъ славословіи выходовъ духовенства съ крестомъ и евангеліемъ и они прекратили свое существованіе нужно думать довольно давно. Старецъ Арсеній Сухановъ, въ половинѣ XVII вѣка изучавшій состояніе греческаго богослуженія и обстоятельно изложившій свои наблюденія надъ нимъ въ извѣстномъ Проскинитаріѣ, ни единымъ словомъ не обмолвился о занимающемъ насъ обрядѣ при изложеніи воскресной утрени въ своемъ Тактиконѣ (стр. 245). Павелъ Алеппскій, не разъ имѣвшій случай касаться отправленія утрени на Востокѣ, въ Молдавіи, Валахіи и во многихъ мѣстахъ у насъ на Руси въ своемъ обширномъ описаніи, тоже не упоминаетъ о выходѣ духовенства по великомъ славословіи. Ясное дѣло, что послѣдній вышелъ къ тому времени изъ богослужебной практики или, по крайней мѣрѣ, не былъ *необходимою* составною частью воскресной утрени; иначе, какъ заключительный и притомъ же торжественный актъ ея, онъ не ускользнулъ бы отъ вниманія такого наблюдательнаго путешественника и старательнаго описателя, какимъ былъ архидіаконъ Павелъ. ¹⁾ Есть положительныя основанія утверждать, что въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ ко времени пріѣзда сюда Антиохійскаго патріарха Макарія разсматриваемый обрядъ пересталъ быть совершаемъ на воскресной утрени. Противъ приведенныхъ выше извлеченій изъ Чиновника только что названнаго собора, въ которыхъ описываются главнымъ образомъ выходы на вечернѣ и утрени въ

¹⁾ Вообще нужно сказать про трудъ его, что онъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій и разнообразѣйшій *литургико-археологическій* матеріалъ. Весь храмъ въ его дѣломъ: внѣшній видъ, особенно внутреннее устройство и убранство его, богослужебныя и внѣ-богослужебныя одежды, утвари и вообще принадлежности; все рѣшительно богослуженіе съ разнаго рода церковными порядками и обычаями были наблюдаемы и болѣе или менѣе подробно описываемы архид. Павломъ. Описаніе его во многихъ своихъ мѣстахъ можетъ служить дополненіемъ къ нашимъ *Соборнымъ Чиновникамъ* и къ такъ называемымъ *Патріаршимъ выходамъ* и само должно восполняться и провѣряться ими. Много цѣннаго сообщаетъ онъ о храмахъ и богослуженіи на Востокѣ и особенно въ Молдавіи съ Валахіей. Словомъ, церковный археологъ съ литургистомъ многимъ воспользуются изъ Павла Алеппскаго и скажутъ большое спасибо его почтенному переводчику на русскій языкъ.

недѣлю Всѣхъ святыхъ, въ оригиналѣ или въ рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи на поляхъ (л. 118 об.) сохранилась небольшая, скорописью XVII вѣка сдѣланная, въ высшей степени любопытная и въ данномъ случаѣ весьма важная замѣтка: „Во 161 м (т. е. 1653 году) указалъ патриархъ благовѣстити въ ревути, а вечерня большая; на утрени евангеліе воскресно и выходъ по славословіи отказалъ и молебны отказал, а у литургии царь і царица были въ соборе, и патриархъ былъ у стола у царя“. Рѣчь идетъ въ ней объ одномъ изъ крупныхъ на нашъ взглядъ, распоряженій патр. Никона, направленныхъ противъ издавна существовавшихъ на Руси въ *соборныхъ* церквахъ богослужебныхъ обычаевъ и церковно-обрядовыхъ порядковъ. Встарину у насъ въ дни воскресные и праздничные, кромѣ вечерень съ „праздничными литіями“ на канунѣ ихъ, служились послѣ утреней такъ называемые „соборные молебны“, къ участию въ которыхъ привлекалось также вмѣстѣ съ соборнымъ еще приписное къ соборамъ и церковно-приходское духовенство ¹⁾. Разумѣется, послѣднее тяготилось хожденіемъ въ большой соборъ къ молебнамъ. Зная объ этомъ по своей раннѣйшей службѣ въ Новгородѣ и Москвѣ, патр. Никонъ приказываетъ оставить соборный молебенъ передъ литургіей въ воскресенье *Всѣхъ святыхъ*. Весьма вѣроятно, что святѣйшій, отдавая послѣднее приказаніе, на этотъ разъ имѣлъ въ виду и присутствіе у обѣдни царя съ царицей, для которыхъ приходилось укорачивать службу и начинать ее позднѣе, и себя самого, которому послѣ параднаго стола у царя нужно было еще встрѣчать и провожать послѣ вечерни въ этотъ день „со всеѣ Москвы приходившихъ въ церковь соборную со кресты и с образы“ духовенство и народъ ²⁾. Но, отмѣняя выходъ на великомъ славословіи и воскресное евангеліе, патр. Никонъ помимо житейскихъ соображеній, подобныхъ высказаннымъ, долженъ былъ руководиться и другими, болѣе серьезными и глубокими мотивами. Не должно забывать, что это распоряженіе отдавалось, спустя три мѣсяца съ небольшимъ послѣ разсылки извѣст-

¹⁾ Стоглава главы: 30 и 41: вопросы 9 и отчасти 41; по Казанск. изд. 1862 г. стрр. 130—131, 173, 198—199 и др.

²⁾ Рукоп. С.-Петерб. Дух. Акад. № 127 л. 122; Р. И. Б. III ст. 152—153; Стоглава гл. 35, стр. 46 и слѣд.

ной патриаршей памяти о поклонахъ въ св. четырёхдесятницу и троеперстїи для крестнаго знаменїа, вызвавшей соблазнъ въ однихъ и раздраженіе въ другихъ. Противленіе, встрѣченное патр. Никономъ въ самомъ же началѣ его дѣятельности по исправленію церковной обрядности, обязывало его къ осторожности въ дальнѣйшихъ дѣйствїяхъ. Если же онъ рѣшился наложить veto на очень древній обрядъ, значить уничтоженіемъ его не опасался вызвать новое недовольство въ своихъ пасомыхъ, какое-либо противодѣйствіе съ ихъ стороны. Видимое дѣло, что отмѣняемый обрядъ уже не заключалъ въ себѣ къ тому времени жизненной силы, сдѣлался обременительнымъ для однихъ, наскучившимъ, быть можетъ, вслѣдствіе частого своего совершенїа другимъ, излишнимъ при новомъ богослужебномъ строѣ въ глазахъ третьихъ. И любопытно, что судьбы разсматриваемаго обряда у насъ и въ Греціи имѣли между собою нѣчто общее, какъ сходны были отчасти и причины, поведшія къ его уничтоженію.

Въ первой половинѣ XI вѣка выходъ духовенства на великомъ славословіи въ св. Софїи константинопольской былъ несомнѣнно въ полной силѣ. Не говоря уже о дняхъ воскресныхъ, на ежедневныхъ утреняхъ, отправлявшихся „по подражанію утренѣ недѣльной ¹⁾, даже когда по уставу не полагалось ни литїи, ни литургїи ²⁾, нашъ чинъ совершался довольно церемонїально. „По утреннемъ входѣ“ (изъ притвора въ храмъ), читаемъ въ уставѣ великой церкви названнаго времени, „пресвитеры и діаконы вступаютъ въ олтарь и въ полукружїи его творятъ окружное ³⁾. Потомъ, при пѣнїи хвалитныхъ, выходятъ діаконы въ крещальню и, снявши фелони свои, снова совершаютъ входъ въ однихъ.

¹⁾ Симеонъ Солунскій De sacra precat. у Миня t. 155, col. 636; русск. пер. въ Писанїяхъ, т. II стр. 485.

²⁾ Дмитріевскій, Новыя данныя для исторїи Типикона великой константинопольской церкви въ Труд. Киевск. Акад. 1903, III стр. 547.

³⁾ Тамъ же стр. 546: *καὶ κοιοῖσι τὰ κατὰ τὴν ἐν τῷ κυχλίῳ*. Мѣсто непонятное, но, кажется, рѣчь идетъ въ немъ объ обычномъ въ свое время обрядѣ поклоненїа предъ находившимся въ олтарной нишѣ св. Софїи за престольнымъ крестомъ, соединенномъ для нѣкоторыхъ лицъ съ каденїемъ ему. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. Горскаго и Невоструева Ш, I стр. 140; Изъ записокъ Синайскаго богомольца въ Т. К. Д. А. 1873, I 413; Дмитріевскаго Еѹхолога, с. 13; проф. Н. О. Красносельцева: Къ исторїи прав. богослуженїа, стр. 110—111; проф. Д. О. Бѣляева Byzantina II, 162—163.

только стихаряхъ и становятся за дверями (царскими) на первый входной потаміонъ ¹⁾, ожидая пресвитеровъ, и когда начнутъ: *Слава въ вышнихъ*, то выходятъ и они, и идутъ правымъ портикомъ, и становятся съ діаконами на тотъ же потаміонъ. Пресвитеры стоятъ справа, діаконы слѣва, поя гимнъ. На второй потаміонъ становится недѣльный иподіаконъ (съ большимъ крестомъ?), а на третій, ниже амвона, депотать (съ подевѣчникомъ). И на стихъ: *Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ* падаютъ ницъ на помощь и кланяются трижды. На третьемъ Трисвятомъ становятся діаконы попарно, и на *Слава*, когда архидіаконъ скажетъ: *Благослови, владыко*, и пресвитеръ произноситъ: *Благословенъ входъ святыхъ твоихъ*, совершаютъ входъ: діаконы останавливаются на солеѣ, а пресвитеры входятъ въ олтарь. Когда съ ними войдутъ и пѣвцы на солею и долженствующій пѣть прокимень поднимется на третью ступень амвона, архидіаконъ возглашаетъ: *Вонмемъ*. Пресвитеръ: *Миръ всемъ*. Когда другой діаконъ возгласитъ потомъ: *Премудрость*, пѣвецъ начинаетъ прокимень, и другіе съ domesticiкомъ пѣвцы, повторяя, поютъ по чину ихъ. Потомъ ектенія и прочее послѣдованіе отпуска ²⁾. Уже изъ этой выдержки, дополняющей знакомую намъ по памятникамъ XV вѣка картину входа нѣкоторыми новыми подробностями, можно заключить, насколько торжественнѣе совершаемъ былъ послѣдній въ дни воскресные въ X—XI столѣтіяхъ. Однородный по содержанию и обстановкѣ, при томъ же хорошо извѣстный теперь чинъ входа константинопольскаго патріарха съ Живоотворящимъ крестомъ и евангеліемъ на утрени въ праздникъ Воздвиженія ³⁾ можетъ служить къ наглядному ознакомленію съ состояніемъ воскреснаго выхода за это время.

¹⁾ *Потаміонами* назывались иноцвѣтныя, набранныя мозаикой или мраморомъ въ полу св. Софіи полосы, шедшія параллельно солеѣ, рядами, въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, отъ сѣверной стѣны храма къ южной. Онѣ между прочимъ обозначали мѣста остановокъ тѣхъ или иныхъ изъ священнослужачихъ лицъ, направлялись ли послѣдніе процессіей въ олтарь отъ западныхъ дверей, какъ въ данномъ случаѣ, или обратно—изъ олтаря чрезъ средину храма въ его притворы и дворъ. *Голубцовъ А.*, Изъ христіанской иконографіи, стр. 56; *проф. И. Д. Мансветова*, Церковный уставъ, стр. 247—248.

²⁾ Тр. К. Д. Ак. 1903, III, 545—547. 2.

³⁾ Тамъ же, 1903, I, 615 и слѣд.

Вслѣдъ за занятіемъ латинами Царьграда, при которомъ на ряду съ другими памятниками и великая церковь лишилась многихъ своихъ драгоценностей, облачений и утварей, особенно замѣтно и быстро стала падать церковная обрядность въ Византіи. Патріаршіе выходы и вообще соборная служба не могли уже теперь совершаться съ прежнимъ великолѣпіемъ. Многія послѣдованія, предписывавшіяся уставомъ великой церкви, ко времени Симеона Солунскаго перестали соблюдаться какъ въ самомъ царственномъ городѣ, такъ и по другимъ церквамъ. И названный литургистъ объясняетъ это обстоятельство, какъ и ослабленіе всего пѣсеннаго строя службъ, взятіемъ латинянами столицы и недостаточнымъ числомъ въ ней священниковъ и пѣвцовъ. Богослужбный чинъ великой церкви, исполнявшійся въ концѣ XIV-го—началѣ XV вѣка въ ней самой лишь отчасти, по большимъ праздникамъ, продолжалъ однакоже жить своимъ вліяніемъ на литургическую практику другихъ великихъ церквей: въ Антиохіи, Солуни, и Симеонъ Солунскій, много потрудившійся, по собственному признанію, надъ поддержаніемъ и улучшеніемъ его у себя, „именемъ Христа умолялъ соблюдать его всегда и сохранять это преданіе отцовъ, какъ нѣкую божественную искру“¹⁾. Долго ли тлѣла послѣдняя въ Византіи послѣ завоеванія Константинополя Турками, еще болѣе не благопріятствовавшего процвѣтанію въ ней прежняго богослужбнаго строя, намъ неизвѣстно; но несомнѣно, что выходъ духовенства съ крестомъ и евангеліемъ, при пѣніи утренняго гимна, еще продолжалъ оставаться въ XV вѣкѣ на востокѣ, по крайности, въ литургической практикѣ большихъ церквей. Едва ли далѣе можно сомнѣваться и въ томъ, что этотъ обрядъ, перешедшій на Русь вмѣстѣ съ уставомъ великой церкви, былъ совершаемъ въ нашихъ соборныхъ храмахъ за весь почти древній періодъ нашей исторіи и, повидимому, исполнялся у насъ хотя бы въ наиболѣе извѣстныхъ соборахъ: Кіева, Новгорода, Ростова, Владиміра и Москвы въ XI—XV вѣкахъ съ не меньшею, если даже съ не большею торжественностію, чѣмъ это было тогда у самихъ грековъ. Но отъ половинны

¹⁾ *Симеона Солунск.* De sacra prescat. у Мнѣя, t. 155 col. 553—556, 643; русск. пер. въ Писаніяхъ, т. II стр. 403—405, 496.

XVI вѣка имѣются уже безспорныя данныя, что городское духовенство тяготилось изучаемыми нами вечерними и утренними выходами. Игумены, попы и діаконы, обязывавшіеся „недѣли служить по старинѣ“, править чреду при соборныхъ церквахъ, ходить въ нихъ на молебны, панихиды, выходы и за крестныя хожденія, подѣ разными предлогами уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей ¹⁾.

Всероссійскій митрополитъ Макарій грамотою на имя Новгородскаго и Псковскаго архіепископа Серапіона отъ 26 мая 1551 года предписывалъ подчиненнымъ послѣднему Новгородскимъ „священникамъ на выходъ на соборъ *ходити* и за кресты по старинѣ, а которой священникъ или дьяконъ на *выходъ* на соборъ и за кресты *не прійдетъ*, и на томъ имати заповѣди по новгородской гривнѣ: а скажетъ которой попь, что *на выходъ не поспѣлъ* боля для (изъ - за больного), или родильницы, или которые иныя для нужи, ино про него послать въ улицу обыскать въ его приходѣ добрыми людьми. И скажутъ прихожане, что онъ *не былъ на выходъ* для нужи, і на тѣхъ священникахъ заповѣди не имати, а которой священникъ и дьяконъ солжетъ, і прихожане по немъ не молвятъ, і на томъ священникѣ заповѣдь имати да хоженое“ ²⁾. Думаемъ, что въ настойчивомъ предписаніи владыки рѣчь идетъ про наши выходы на праздничныхъ вечерняхъ и воскресныхъ утреняхъ. Восемьдесятъ лѣтъ спустя Чиновникъ Московскаго Успенскаго собора, описывая выходъ духовенства на воскресной утренѣ, замѣчалъ, какъ выше уже было приведено: „ходятъ всегда ж к Славословію по перемѣнамъ іс Китая і ис Кремля города священники і діаконы... *А берегутъ того подьяки накрѣпко, чтобъ всегда ходили безлѣнотно*“. Причина нехожденія Московскихъ священниковъ и діаконѡвъ XVII вѣка въ Успенскій соборъ на выходы за службы была, конечно, таже, что и у Новгородскихъ — въ XVI стол. Не измѣнилась за столѣтіе по существу и главная мѣра къ исправленію незначительнаго въ исполненіи своего служебнаго долга духовенства со стороны начальства послѣдняго. Нисколько неудивительно, что и въ результатѣ отъ денежныхъ взысканій и крѣпкаго дьяческаго бе-

¹⁾ Стоглава стрр. 130—131, 198—199, 423—4 прим. Чиновн. Холмогорск. стр. 135.

²⁾ Тамъ-же стр. 421—422; см. А. А. Э. т. I. № 229.

реженія“ получалось одинаково печальное въ дисциплинарномъ и еще болѣе въ церковно-богослужебномъ отношеніи явленіе. „Преже сего хаживал і протопопъ з братею на выход“, не безъ задней мысли проговаривается о быломъ состояніи описываемаго обряда составитель Московскаго соборнаго устава, „да и евангеліе по вся воскресенія онъ же читаль на амбонѣ, а пѣвали всегда пѣвчіе діаки“. Теперь, въ концѣ управленія русскою церковію патр. Филаретомъ, случалось, по словамъ нашего автора, что „*по нуждѣ иногда одинъ недѣльной ходилъ*“, а протопопъ съ протодіакономъ участвовали въ совершеніи выхода на воскресной утренѣ, только когда самъ святитель бываль на ней. Холоднымъ, можно сказать даже больше, небрежнымъ отношеніемъ соборнаго и городского духовенства къ исполненію глубоко-назидательнаго самого по себѣ обряда, послѣдній незамѣтно низводился на степенъ рядовой, будничной богослужебной формы, постепенно утрачивалъ свою внутреннюю цѣнность и въ сознаніи совершителей и въ глазахъ участниковъ его. Разумѣется, святѣйшіе патріархи Московскіе, а тѣмъ болѣе всесильный Никонъ могъ заставить ходить на утренній выходъ не только какихъ-либо пѣвчихъ дьяковъ, соборнаго протопопа съ протодьякономъ и все городское духовенство, но и рѣшительно всякаго рода властей: большихъ, среднихъ и меньшихъ, пестрыхъ, черныхъ и бѣлыхъ. Патріархъ Никонъ не принялъ однакоже никакихъ мѣръ къ поддержанію выхода духовенства на воскресной утренѣ, а напротивъ, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, велѣлъ въ 1653 году оставить его. Очевидно продленіе существованія выходовъ на воскресныхъ утреняхъ не входило въ предположенные имъ планы по улучшенію церковно-богослужебной обрядности на Руси. Задавшій главнымъ образомъ цѣлю согласовать послѣднюю съ требованіями дѣйствовавшаго тогда у насъ Іерусалимскаго устава и съ обрядами греческой церкви, патр. Никонъ, конечно, отлично зналъ, что первый совсѣмъ не требуетъ, а вторая не совершаетъ какихъ-либо выходовъ съ крестомъ и евангеліемъ по великомъ славословіи на воскресныхъ утреняхъ, и уже, разумѣется, помнилъ, что по Типику св. Саввы положены вмѣсто послѣднихъ *всенощныя бдѣнія*, которымъ и отдавалъ самъ предпочтеніе въ своихъ литургическихъ предписаніяхъ. Но, оставивъ выходъ въ не-

дѣлю всѣхъ святыхъ, патр. Никонъ, сколько намъ извѣстно, не издавалъ указа, которымъ бы запрещалось совершеніе этого обряда на всѣхъ непремѣнно воскресныхъ утреняхъ и во всей Русской церкви. Онъ предоставилъ ему выходить изъ употребленія постепенно, умирать своею естественною смертію. За вторую половину XVII вѣка мы не имѣемъ указаній, чтобъ обрядъ этотъ совершался въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а его богослужбная практика служила тогда образцомъ для провинціальныхъ соборовъ. Послѣдніе впрочемъ не слѣпо слѣдовали ей. Преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій (1682 — 1702 гг.), заводившій у себя *несомнѣнно Московскіе* церковно-богослужбные порядки, въ отношеніи къ занимающему насъ выходу оставался вѣрнѣ старинѣ, продолжалъ совершать его, не обративъ вниманія на вновь устанавливавшійся въ столицѣ на этотъ счетъ обычай. На девятой пѣснѣ на воскресныхъ утреняхъ въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ происходилъ обычно „благовѣсть въ большой для выхода“, совершавшагося послѣ Трисвятаго *по чину со евангеліемъ*, которое по выходѣ и пѣніи тропаря и прокимна читалось, какъ кажется, уже въ олтарѣ, а не на амвонѣ. Изъ чиновника названнаго собора не видно (стр. 75, 89, 181), чтобы въ немъ на воскресныхъ утреняхъ читалось въ это время по древнему обычаю два евангелія, т.е. кромѣ воскреснаго было еще другое предъ канономъ ¹⁾. Не говорится въ немъ ни слова уже и о томъ, чтобы выходъ происходилъ *въ преднесеніи большого креста*. Эта послѣдняя подробность, придававшая цѣлому обряду особенную силу и важность въ глазахъ молящихся, повидимому, перестала существовать въ немъ по провинціальнымъ соборнымъ церквамъ еще до патр. Никона. Въ Чиновникѣ Новгородскаго Софійскаго собора 30-хъ годовъ XVII стол. хотя, при изложеніи утрени въ недѣлю сыропустную, и упоминается „о выходѣ на славословіи *со кресты* и съ евангеліемъ по чину“, но не нужно упускать изъ виду, что участвовавшіе въ немъ *посадскіе священники* тотчасъ, по прочтеніи протопопомъ евангелія на амвонѣ, ходили крестнымъ ходомъ въ стояв-

¹⁾ Въ Чиновникѣ Холмогорскаго Преображенскаго собора говорится (стр. 89), что на утрени „въ пятую недѣлю поста“ читалось два евангелія: по степенямъ праздничное и воскресное по великомъ славословіи, потому что на этотъ день палъ праздникъ Благовѣщенія въ 1682 году.

шую на площади подлѣ св. Софїи, противъ южныхъ дверей ея, церковь Похвалы пресв. Богородицы ¹⁾. Присутствіе *крестовъ* или *иконъ* вызывалось этимъ именно хожденіемъ, а не изучаемымъ нами выходомъ. Прежде, чѣмъ послѣдній вышелъ изъ практическаго употребленія въ нашихъ соборныхъ храмахъ, выносъ креста въ немъ былъ оставленъ и, какъ можно предполагать, былъ оставленъ потому, что имѣлся въ виду другой, одинаковый съ нимъ по происхожденію и содержанію обрядъ изнесенія креста на утрени и тоже по великомъ славословіи для воздвиженія и поклоненія въ три нарочитыхъ дня въ году, который въ значительной степени могъ служить его замѣною. Какъ бы то ни было, но обрядъ выхода духовенства по великомъ славословіи на воскресныхъ утреняхъ еще совершаемъ былъ на Руси въ нашихъ соборахъ въ XVII столѣтіи и уставъ великой константинопольской церкви, имѣвшій нѣкогда у насъ полную силу, продолжалъ еще въ извѣстной мѣрѣ дѣйствовать въ нихъ, не былъ окончательно вытѣсненъ къ этому времени іерусалимскимъ Типикомъ и не „считался въ XVII вѣкѣ уже вышедшимъ изъ употребленія“, какъ утверждали до сихъ поръ наши нѣкоторые литургисты ²⁾. А если повнимательнѣе приглядѣться къ строю иныхъ нашихъ праздничныхъ службъ и потщательнѣе изучить мѣстные соборные обычаи, хотя бы, напри^мѣръ, совершеніе по мѣстамъ пасхальной утрени *среди церкви* ³⁾, то окажется, что нѣкоторые церковно-богослужебные порядки „прекрасной матери нашей“ продолжаютъ незамѣтно жить въ нашихъ соборныхъ церквахъ до настоящаго времени и производятъ особенно—сильное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ въ службѣ.

А. Голубцовъ.

24 марта 1905 г.

¹⁾ Чинovníкъ Новгородск. Софійск. соб., стр. 159, 179. Поля. собр. русск. лѣтоп. т. VI, стр. 295. *Арсим. Макарія* Археологич. опис. церкви. древн. въ Новгородѣ, ч. I стр. 17, 28, 36, 88, 98, 117. Нашему теперешнему выраженію: „Ходять съ иконами“ равносильно древнерусское: „Ходять со кресты, на похрестья“, откуда и самый терминъ: *Крестный ходъ*.

²⁾ *Одинцовъ*, Порядокъ обществ. и частн. богослуж., стр. 193; *Дмитріевскій*, Чинъ пещнаго дѣйства, стр. 10—11, 47.

³⁾ Ср. Дополн. Акт. Истор. т. V стр. 106; Р. И. Б. III, 123—124; см. современную практику Ростовскаго Успенскаго собора.